

Следует отметить в произведении образы героинь — женщин нового типа, решительно и смело заявляющих о своем праве на любовь, противостоящих косности окружающей их знати и нравственно побеждающих их.

Особенно характерен в этом отношении образ цесаревны. С первых же строк своего произведения автор любит свою героиню: она «прекрасна» и необычно скромна. Когда цесарь торжественно объявляет ей, что «учинит» ее наследницею престола, после того как она исполнит его «изволение», цесаревна отвечает ему готовностью: «. . . не сего венца ради и престола должна волю твою исполнять, но со всякою моею охотою готова усердно по вашей воле яко родителя моего государю исполнить» (л. 262). В Академии наук она пришла «в платье, которая никакова знака не могла дать к короне», то есть она пришла в обыкновенной одежде, по которой нельзя было узнать, что она — наследница престола. «По науке» она «села» «ниже всех», а через три года «превзошла всех во оной Академии. . . сице много науки нача издавати» (лл. 262 об.—263). Цесаревна первая оценила большие достоинства незнатного «шляхецкого сына» и решительно объяснилась ему в любви. Столь же смело она боролась за свое нравственное право — быть женою по собственному выбору — с отцом-цесарем и особенно с окружающими его «сенаторами и министрами», справедливо обвиняя их в стремлении устранить ее от престола: «Вам смерть моя — радость» (л. 267). Сила любви ее безгранична. Узнав о безвестной пропаже возлюбленного, она «со вся домочадцы взыскание сотвори, не обрете, что все куранты и ведомости, и писма, и грамоты — все были таены, где имя оного объявлено» (л. 269—269 об.). Увидя его после двухлетней разлуки, она решается на убийство насильно обвенчанного с нею мужа, лишь бы быть соединенной с любимым. После гибели «шляхецкого сына» цесаревна «сотвори прощение со отцем и матерью, и ко всем ту, тако погрузи себя печалию, рекла: „Ты моей печали, мое сердце умереть. Аз ли тебе оставлю, в сей путь едина отходяща! Да погребусь с тобою в едином гробе!“» (л. 282 об.).

Образ английской королевы в основных чертах близок образу цесаревны: она также решительно действует, добиваясь освобождения «шляхецкого сына» из тюрьмы, также первая объясняется ему в любви и также гибнет, узнав о смерти любимого.

Внешне сходны и обстоятельства, при которых героини выражают свои чувства «шляхецкому сыну», близки и сами их признания, так что трудно различить, говорит ли это цесаревна или королева. Для сравнения приводим эти отрывки.

Объяснение цесаревны

И в некоторое время имела со оным оберкаморгером о некоторых невидимых вещех розыскание, где кроме их единых никого не было. Усмотря она цесаревна такое удобное время, рекла ко оному оберкаморгеру: «Ведай ты отныне и буди благонадежен, что ежели воля будет на то божия, то, кроме тебя, иного в мужа себе иметь и другому женою быть не хочу. . . И аще ты отречешься в сем свете иметь меня женою и быть государем сей короне, навеки не хочу никому быть жена (лл. 263 об.—264 об.).

Объяснение королевы

В некоторое время имела с ним разговор о всех видимых вещех и невидимых, дабы истолковал. И позна в нем совершенную мудрость и ум, которым сладкоглаголением так возжег в ней любовь, что готова ему быть хотя бы тот час в жену. . . И объявила тако: «Отныне веси, яко кроме тебе иного мужа иметь не хочу. Аще тебе лишена буду, во веки никому жена не буду (лл. 272 об.—273 об.).

Автор «Истории о некоем шляхецком сыне» как бы нарочито подчеркивает, что для него не важны истинные обстоятельства, при которых со-